

Наталья Георгиевна Рудина

ПУБЛИЦИСТИКА РЕНЕ ТЕОФИЛЯ ШАТЛЕНА

Из истории французской оппозиционной литературы в период реставрации Бурбонов

Французский ежегодник 1962

М.: Наука. 1963. С.130-149

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

1814 году во Францию вернулись Бурбоны. Период с 1814 по 1830 год в истории Франции ознаменован реставрацией легитимной монархии и связанной с этим реакцией во всех областях экономической, политической и духовной жизни страны. Реставрация вызвала широкую оппозицию. На протяжении всех 16 лет существования этого режима, вспыхивая то с большей, то с меньшей силой, шла ожесточенная борьба против попыток вернуть страну к прежним дореволюционным порядкам.

В художественной литературе этот оппозиционный дух наиболее ярко отразился в песнях Беранже и в памфлетах Поля Луи Курье. Творчество Беранже и Курье и в идейном и в художественном отношении — вершина политической литературы эпохи Реставрации, и естественно, что произведения именно этих писателей привлекли особое внимание исследователей. Однако и Беранже и Курье выступали на фоне весьма обширной оппозиционной литературы, представленной главным образом публицистикой.

Книжный рынок в эти годы был буквально наводнен памфлетами на лобу дня¹. Среди этих памфлетов было множество произведений конкретно-политического характера (памфлеты Б. Констана, Пажеса и др.) — в них обсуждались различные вопросы права, законодательства, и они имели весьма ограниченный круг читателей. «Памфлеты, продиктованные духом партии, почти не живут после своего появления на свет. Их покупают лишь тогда, когда их начинает преследовать правосудие», — пишет в своих «Lettres sur Paris» («Парижских письмах») либеральный публицист Этьен². В то же время огромный интерес вызывали печатавшиеся на страницах «*Minerve*», а затем отдельными выпусками «Парижские письма» самого Этьена, памфлеты С. А. Шеффера, П. Л. Курье. Причина успеха этих произведений заключалась прежде всего в том, что авторы их затрагивали проблемы, волновавшие всю нацию в целом, и освещали их с либеральных и демократических позиций.

Одним из публицистов, пользовавшихся особой популярностью в эпоху Реставрации, был Рене Теофиль Шатлен (*Châtelain*), редактор либеральной газеты «*Courrier français*», автор нескольких весьма изве-

¹ Памфлеты появляются ежедневно, подобно «гучам саранчи, посланной гневом небесным», — констатировала в 1819 году газета «*Lettres normandes*» («*Lettres normandes*», t. I, XXIX, p. 104).

² Ch. Etienne. Oeuvres, t. I. Paris, 1846, p. 25.

стных в то время литературных произведений. Творчество Шатлена, получившее признание современников, насколько нам известно, никогда не подвергалось специальному исследованию, а имя писателя было почти совершенно забыто³. Между тем очень небольшое по объему литературное наследие Шатлена представляет безусловный историко-литературный интерес.

Настоящая работа ставит своей задачей дать общий очерк творчества Шатлена, составляющего примечательную главу в истории французской буржуазно-демократической публицистики периода реставрации Бурбонов и первых лет Июльской монархии.

* * *

Дошедшие до нас биографические сведения о Шатлене весьма скудны. Он родился в 1790 году в Сен-Кантене и умер в 1838 году в Париже.

Биография Шатлена типична для многих прогрессивных интеллигентов его времени. Младший современник Курье и Стендаля, он обратился к литературе уже после того, как прошел большую жизненную школу в наполеоновской армии. Восемнадцатилетним юношей он стал солдатом кавалерийского полка и дослужился до чина лейтенанта. Его воинские заслуги были отмечены орденом Почетного легиона. Он воевал в Испании, Германии, был участником похода 1812 года, пережил разгром и отступление армии Наполеона через Березину.

В 1815 году Шатлен вышел в отставку и, примкнув к оппозиции, занялся журналистикой. Он сотрудничал в первых оппозиционных газетах времен Реставрации — «Censeur», «Nouvel homme gris», «Renommée». В 1819 году владельцы газеты «Courrier français», желая придать ей более четкое политическое направление, пригласили на пост главного редактора Шатлена. «Именно после того как Шатлен стал редактором, — пишет Атэн, — «Courrier» приняла ту определенную окраску, ту достойную ориентацию, которые обеспечили ей вплоть до конца Реставрации и начала 30-х годов столь значительное влияние на общественное мнение»⁴. Время, когда Шатлен возглавлял редакцию «Courrier», Атэн считает наиболее «блестящим периодом» в жизни газеты⁵, а самого Шатлена — выдающимся человеком и журналистом⁶.

Возглавляемая Шатленом газета последовательно и настойчиво вела борьбу с крайностями режима Реставрации и была одним из самых влиятельных и наиболее левых органов оппозиции. В течение десяти лет редакция «Courrier» выдержала более двадцати политических процессов и выплатила 100 тыс. франков штрафа. Накануне революции 1830 года

³ Следует отметить, что демократическая журналистика периода Реставрации вообще изучена еще явно недостаточно. Труды по истории печати исследователя XIX века Азэна носят в основном справочный характер, а вышедшие в последнее время работы зарубежных ученых (R. M a n e v y. La presse française de Renaudot à Rochefort, 1958; Ch. L e d r é. Histoire de la presse, 1958; i d e m. La presse à l'assaut de la monarchie 1815—1848, 1960; J. C o l l i n s. The Government and the Newspaper Press in France, 1814—1881. Oxford, 1959), освещающая картину в целом, уделяют мало внимания конкретным явлениям тогдашней публицистики.

⁴ E. H a t i n. Histoire du journal en France, 1853 p. 156. Об этом же писала в 1820 году газета «Lettres normandes», отмечая, что «Courrier français» имеет лишь общее название со старой «Courrier», «умеренной и доктринерской», что это «одна из лучших и наиболее полезных делу либералов газет» («Lettres normandes», t. X, p. 269). Влияние и роль «Courrier» в эпоху Реставрации отмечает также Тексье (E. T e x i e r. Biographie des journalistes, 1852, p. 182). Среди выдающихся литераторов, печатавшихся в «Courrier français», был Стендаль, который рекомендовал эту газету своим английским читателям как лучшее политическое издание во Франции 20-х годов (R. D o l l o t. Stendhal journaliste. Paris, 1948, p. 49).

⁵ Газета «Courrier français» выходила до 1869 года.

⁶ E. H a t i n. Histoire de la presse en France, t. VIII, 1861, p. 458.

газета очень резко выступала против внешней и внутренней политики министерства Полиньяка — «кучки интриганов и головоотяпов»⁷.

В годы Реставрации Шатлен был связан с такими деятелями либеральной оппозиции, как Фуа, Б. Констан, К. Перье, Шовлен и некоторыми другими, входил в «Общество друзей свободы печати», был членом тайного комитета, руководившего его деятельностью. Перечисляя состав карбонарских венг, историк Бонналь отмечал роль Шатлена, который «принес с собой вес и влияние своей газеты»⁸. В дружеских отношениях находился Шатлен с Беранже, который, судя по их переписке, считал его своим единомышленником (известно, что Беранже в это время был фактически одним из вождей либеральной оппозиции). В письмах Беранже к Шатлену (накануне революции) говорится об общей тактике, которой они оба, поэт и журналист, должны придерживаться. Беранже советует Шатлену, как освещать в «*Courrier*» те или иные политические вопросы, и в свою очередь прислушивается к его мнению⁹.

Одним из первых Шатлен поднял голос против ордоансов 25 июля 1830 года и вместе с Тьером и Кошуа-Лемером принял участие в составлении знаменитого протеста журналистов, явившегося «первым обдуманым и важным актом революции 1830 года»¹⁰.

О деятельности Шатлена после революции 1830 года известно весьма мало. Продолжая возглавлять «*Courrier français*», Шатлен отказался занять при Луи Филиппе предложенные ему посты. «Верный своим принципам, видя ошибки июльской революции, — пишет его биограф, — он продолжал держаться линии активной оппозиции». По словам того же биографа, этот журналист вел жизнь бойца и, «несмотря на болезнь, днем и ночью всегда готов был сражаться пером за свои идеи»¹¹. В журналистской деятельности Шатлен видел свой гражданский долг. «Бедствия нынешнего времени, — писал он, — заставляют рассматривать как легкомыслие все, что не связано с судьбами родины»¹².

Прогрессивно настроенные современники высоко ценили Шатлена как журналиста; его литературные произведения имели «шумный успех»¹³.

* * *

В 1817—1818 годах выходит серия памфлетов Шатлена: «*Voyage d'un étranger en France pendant les mois de novembre et décembre 1816*» («Путешествие одного иностранца по Франции в ноябре-декабре 1816 года»), «*De quelques abus introduits dans le système religieux*» («О некоторых злоупотреблениях, допущенных в религиозной системе»), «*Le paysan et le gentilhomme*» («Крестьянин и дворянин»), «*Entretien sur le caractère qui doivent avoir les hommes appelés à la Représentation nationale*» — («Réunion d'électeurs ou la voeu unanime») («Беседа о характере, который должны иметь люди, призванные представлять нацию», другое название: «Собрание избирателей или единодушное пожелание»), «*Le XVI siècle en 1817*» («XVI век в 1817 году»). По цензурным соображениям памфлеты публиковались анонимно и, несмотря на запреты, выдерживали несколько изданий подряд¹⁴.

⁷ «*Courrier français*», 30 juin 1830.

⁸ Ed. Bonna l. Manuel et son temps. Paris, 1877, p. 192.

⁹ См. B é r a n g e r. Correspondance, t. I, Paris, 1860, p. 356, 357, 367 et suiv.

¹⁰ S. V é r a r d. Souvenirs de la Révolution de 1830, p. 64.

¹¹ «*Biographie universelle, ancienne et moderne*», статья «Châtelain»

¹² [R.-Th. Châtelain] Une Réunion d'électeurs. Paris, 1817, p. 7.

¹³ См. В. И. Бутенко. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации, т. I. СПб., стр. 486. Луи Блан называет Шатлена в числе тех журналистов Реставрации, которые «сделали честь своей профессии» (L o u i s B l a n c. Histoire de dix ans, t. I. Paris [1898], p. 133).

¹⁴ Так, три раза подряд издавался «Крестьянин и дворянин», дважды — «XVI век в 1817 году» и «Путешествие одного иностранца».

В своих памфлетах Шатлен откликался на самые злободневные вопросы современности. Так, памфлет «Собрание избирателей» был издан перед выборами 1817 года в палату депутатов, на которые оппозиция возлагала большие надежды; «XVI век в 1817 году» написан в связи с подготавлившимся тогда церковным конкордатом; в «Крестьянине и дворянине» есть множество сугубо злободневных политических намеков. Однако интерес и значение этих памфлетов (и для нас, и для современников Шатлена) — в постановке не этих частных, а принципиальных и больших вопросов своей эпохи.

* * *

Памфлету «Крестьянин и дворянин» Шатлен дает подзаголовок «Недавняя история». По жанру это своего рода новелла с весьма актуальным сюжетом, почерпнутым непосредственно из действительности. Шатлен рассказывает здесь очень типичную историю возвращения в родные места дворянина-эмигранта и тех печальных событий, к которым оно привело.

Месье де Фьеранвиль возвращается в родные места, «ничего не позабыв и ничему не научившись в изгнании». Чванливый и тупой, он мечтает получить обратно свои земли и немедленно принимается восстанавливать свою былую власть¹⁵.

Фьеранвиль — родной брат беранжеровского маркиза де Караба. Высокомерный аристократ, он презрительно относится к людям без титула, всячески подчеркивая свое превосходство. «Insolent» («наглец»), «impertinent» («нахал»), «canaille» («негодяй»), «je vous fais jeter par la fenêtre» («я прикажу выбросить вас в окно») — в таких выражениях беседует он с мэром; «manant» («мужлан»), «scélérat» («злодей»), «coquin» («мошенник»), «faquin» («болван») — так величает он всеми уважаемого Лерона, покупателя национальных имуществ; со святотатственным «*garbleu!*» («черт возьми!») обращается он к кюре, «animal» («скотина!») кричит он при первой встрече учителю¹⁶.

Чтобы получить обратно свои владения и стать, как прежде, полноправным хозяином округа, Фьеранвилю необходимо избавиться от самых достойных людей. В тюрьму попадает не только владелец бывших фьеранвилевских земель Лерон, но и ни в чем неповинные Тома — отец и брат невесты Лерона. За этим следует цепь интриг и провокаций, нелепых обвинений, которые при всей своей смехотворности отнюдь не являлись художественным преувеличением¹⁷. С возвращением Фьеранвиля в свое бывшее поместье исчезает всякая гарантия безопасности и воцаряется произвол. Однако, как ни старается Фьеранвиль, переходя от угроз к посулам, ему почти никого не удается расположить в свою пользу.

Шатлен всячески подчеркивает социальное одиночество Фьеранвиля. Единственный человек, который оказывает ему поддержку и признает

¹⁵ Подобный пример весьма типичен для периода Реставрации: «Не имея возможности осуществить свои притязания при помощи общей законодательной меры... эмигранты обращались со своими претензиями непосредственно к крестьянам-покупщикам и настойчиво предлагали урегулировать вопрос посредством полюбовных соглашений». — В. И. Б у т е н к о. Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в период Реставрации. — В кн.: «Из далекого и близкого прошлого». Пг., 1923, стр. 270.

¹⁶ Любопытно, что у Беранже его маркиз де Караба (песня написана осенью 1816 года и, возможно, была известна Шатлену) тоже разговаривает с крестьянами «как завоеватель», бранится даже по адресу короля, грозит «поставить на место» префекта и называет народ «скотиной».

¹⁷ Так, описанная Шатленом в этом произведении анекдотическая история ареста за возглас «Vive l'ampleur», который был истолкован как крамольное «Vive l'empereur», имела место в действительности. На этот случай ссылается сам Шатлен в примечании к главе X «Крестьянина и дворянина». Множество подобных случаев описано в газете «*Courrier français*» за 1820 год (см. № 379, 380, 381 и сл.), а также в «*Pétition aux deux chambres*» Поля Луи Курье.

его, это Робер, низкий и подлый интриган, рассчитывающий с помощью Фьеранвиля добиться патента на табачную торговлю или на худой конец получить должность мэра. Вся округа фактически бойкотировала Фьеранвиля и Робера. Так, узнав о смещении старого мэра и назначении на его место Робера, крестьяне демонстративно покидают зал, где должна была состояться церемония. Не смея поднять глаз, Фьеранвиль и новый мэр Робер проходят под насмешливыми взорами толпы. Когда арестовывают Лерона и Тома, в крестьянской толпе шум и возмущение, она готова выступить на их защиту. А когда Лерона освобождают из-под ареста, то в деревне воцаряется «всеобщая радость».

Народ, сделавший революцию, внушает страх и в дни Реставрации. Весьма характерно, что Фьеранвиль не только презирает народ, но и панически боится его, ибо «народ научился теперь сам различать своих врагов, он осудит их, и приговор его безапелляционен»¹⁸.

Народ представлен у Шатлена рядом положительных героев. Это Жан Лерон, покупатель национальных имуществ, имеющий ныне доход в 4 тыс. франков, его друзья — богатый крестьянин Тома, его сын, вышедший в отставку офицер, некий Симон, мэр. Все они изображены в высшей степени благородными, держатся независимо, полны чувства собственного достоинства и в то же время уважения ко всем, кто этого заслуживает. Им чужда всякая кастовость. «...Знатность, — говорит Лерон, — когда она не сопровождается несением каких-либо обязанностей в государстве, не дает никакого права на уважение и отличие от нас, грешных. И месье де Фьеранвиль может заслужить уважение и почет только если он честный человек»¹⁹.

Вернувшись из эмиграции, Фьеранвиль сразу же сталкивается с этими новыми, рожденными революцией представлениями о человеческой значимости. При первой же встрече с ним мэр дает почувствовать Фьеранвилю, что он для него такой же землевладелец, «как и любой другой». Обращаясь к героям из третьего сословия, Шатлен показывает их прежде всего как героев *раскрепощенного* третьего сословия. В его памфлете живет та демократическая Франция, которую вызвала к активной жизни буржуазная революция конца XVIII века.

На противопоставлении этой новой и старой Франции, противопоставлении, нашедшем выражение уже в самом названии, и строится весь памфлет²⁰. И автор выступает страстным поборником этой новой Франции, рожденной революцией.

Образы, созданные Шатленом в памфлете «Крестьянин и дворянин», весьма одноплановы и напоминают заранее заданные схемы. Робер и Фьеранвиль — воплощение одних пороков, зато положительные герои абсолютно безупречны. Но, несмотря на некоторую художественную ограниченность и наивность шатленовских образов, они интересны как попытка воссоздания верно подмеченных в действительности социальных типов.

В художественном отношении эти образы несколько напоминают образы входившего в те годы в моду физиологического очерка. Герои этого очерка обычно поданы тоже с какой-то одной стороны, охарактеризованы по какому-то одному признаку. Так, целая галерея подчас весьма метко подмеченных бытовых типов выведена в популярнейших в свое время «L'Ermite de la Chaussée d'Antin», «L'Ermite en Province» и других про-

¹⁸ [R.-Th. Châtelain.] Le paysan et le gentilhomme, p. 137.

¹⁹ Ibid., p. 7.

²⁰ «Шатлен, — пишет В. И. Бутенко, — задается целью не столько говорить о политической злобе дня, сколько показать в борьбе политических партий борьбу представителей старой и новой Франции» (В. И. Бутенко. Либеральная партия во Франции..., стр. 486—487).

изведениях Жуи. Очеркам Жуи во многом близки романы Поль де Кока с их «миром гризеток, солдат, поселян, среднего городского класса»²¹.

Пожалуй, безупречные в передаче внешних деталей и быта, очерки Жуи и романы Поль де Кока страдали одним общим пороком. Их герои живут очень узкими, мелкими, частными интересами. История проходит где-то за границами этого микромира, никак с ним не соприкасаясь. «Историзм» этих произведений ограничивается описанием моды, которая высмеивается, рассказом о пьесе, которая ставится в театре на бульварах, и т. п. За частностями в этих произведениях пропадает история. В них есть вещи, но «нет,— говоря словами Белинского,— взгляда на вещи, нет идей»²², нет типизации в широком ее понимании как раскрытия определенных социально-исторических закономерностей.

Между тем время, в которое создавались эти произведения, было эпохой классовой и политической борьбы, захватившей и изображаемый Поль де Коком как нечто очень застойное «мир гризеток, солдат, поселян, среднего городского класса». Внимание к истории, к сдвигам, которые произошли и происходят в общественной жизни Франции, выгодно отличает памфлет Шатлена от бытовизма физиологических очерков его современников.

Либеральный историк Дювержье де Оран, отмечая исключительный успех «Крестьянина и дворянина», видит в образах, созданных Шатленом, чрезмерное преувеличение, но все же признает, что «автор искусно вплел... некоторые черты, которые весьма точно налюбили положение в деревне в тот момент, когда старые владельцы возвращались туда после двадцатилетнего отсутствия. Этого было достаточно, чтобы большая часть читателей увидела в этих грубых карикатурах верные портреты... Воспоминание о 1814 и 1815 годах сообщало этим картинам видимость правды»²³.

Большую популярность приобрел и написанный вслед за «Крестьянином и дворянином» памфлет Шатлена «Собрание избирателей или единое пожелание». Памфлет этот резко выделялся в потоке многочисленных агитационных сочинений, появившихся накануне выборов 1817 года. Во время этих выборов должен был быть впервые применен новый избирательный закон, и оппозиция, естественно, возлагала на него большие надежды. Шатленовское «Собрание избирателей» — это, собственно говоря, положительная предвыборная программа, в которой отразились передовые идеи эпохи. Шатлен стремится представить эту программу как можно более наглядно и убедительно. Брошюра написана в форме своеобразного «стенографического» отчета об одной из бесед автора с друзьями. Автор предоставляет слово своим собеседникам, собравшимся незадолго до выборов, и каждый из них выдвигает свои претензии и выражает пожелания депутатам, подкрепляя их для наглядности какой-нибудь поучительной историей. Каждое выступление — это самостоятельная глава памфлета, своего рода маленькая «назидательная новелла». Написанная просто, доступно, изобилующая наглядными примерами, брошюра Шатлена была рассчитана на широкие круги читателей, неискушенных в политической казуистике доктринеров или пышной велеречивости Бенжамена Констана²⁴.

По сравнению с «Крестьянином и дворянином» здесь выдвигается ряд новых проблем и картина социально-политической действительности эпохи Реставрации дополняется множеством новых штрихов. В памфлете

²¹ В. Г. Белинский. Собр. соч., под ред. Венгерова, 1900—1917, т. 8, стр. 431.

²² Там же, стр. 376.

²³ Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France, t. IV. Paris, 1860, p. 199—200.

²⁴ «В похвалу публике следует сказать...,— писал Этьен,— что она предпочитает факты декламации» (Ch. Etienne. Op. cit., t. I, p. 25)

Шатлена мы встречаем то почти зрительное ощущение противоположности двух эпох, которое по остроте своей невольно заставляет вспомнить Стендаля, а также автора «Исповеди сына века» Альфреда Мюссе. «Барабан» и «Колокол» вырастают у Шатлена в обобщенные символы эпохи «Красного» и «Черного». «Прежде, — пишет Шатлен, — часы досуга и работы нам возвещал барабан, нынче — колокол»²⁵. В центре памфлета стоят вопросы свободы совести, вероисповедания, религиозной терпимости и в связи с этим — воспитания. Внимание, которое уделяет им Шатлен, вполне оправдано той ролью, которую играла клерикальная реакция в общем наступлении на завоеванные революцией XVIII века демократические свободы.

Для поднятия в стране религиозного духа и обращения неверующих в провинцию были посланы миссионеры (чаще всего иезуиты). Миссионерская деятельность, начавшаяся в 1816 году, стала быстро шириться. В 1819 году Этьен писал о миссионерах уже как о национальном бедствии, охватившем всю страну²⁶.

Шатлен одним из первых указал своим современникам на опасность религиозных миссий, против которых два года спустя выступили Беранже, Курье, газета «Minerve»²⁷.

В «Собрание избирателей» Шатлен включает небольшую новеллу — рассказ о трагической истории женщины, поверившей миссионерам. Поддав под их влияние, женщина потеряла здравый смысл и стала проводить все дни в постах и молитвах. Босая, полуодетая, она простаивала покаянные ночи на каменном полу в церкви и в конце концов тяжело заболела. Из-за вмешательства церковников чужь было не распалась ее семья. Миссионеры уверили ее, что бог не признает жен, обвенчанных присягнувшими революции священниками, и женщине стал безразличен собственный сын, она почувствовала отвращение к мужу, из-за которого якобы совершила грех. Раздор и несчастья принесли миссионеры и в семьи соседей²⁸.

С вольтеровским негодованием пишет Шатлен о необходимости «воздвигнуть непреодолимые преграды на пути суеверий и фанатизма»²⁹. Деятельность церкви Шатлен весьма непочтительно именует «религиозными фарсами». «С помощью их Францию пытаются отбросить на века назад — к невежеству и варварству». Все это совершенно не соответствует духу нации, которая «возмущена тем, что ее могут счесть сообщницей нелепостей, компрометирующих ее достоинство в глазах Европы»³⁰.

Разоблачая деятельность миссионеров, протестуя против насильственного обращения к религии, Шатлен пользуется аргументацией и методами просветителей XVIII века: он доказывает враждебность религиоз-

²⁵ [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion d'électeurs, p. 33—34.

²⁶ Ch. Etienne. Op. cit., t. II, p. 335.

²⁷ В 1819 году «Minerve» печатает карикатуру на миссионеров — гасителей просвещения, воскрешающих старое, и сопровождает ее отрывком из песни Беранже («Миссионеры»). Карикатура приведена в кн.: Champfleury. La Caricature sous la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, [1874].

²⁸ Ср. у Беранже: «Грома на худшее из зол —
На суетность — обрушим,
И соватим прекрасный пол,
И семья мы разрушим».

(песня «Миссионеры» в переводе И. Гуровой).

Историк этой эпохи А. де Волабель пишет: «Миссионеры больше не довольствовались предсказаниями и обращениями. Они старались изо всех сил возбудить воображение и довести до иступления слабые души» (A. Vaulabelle. Histoire de deux Restaurations, t. V. Paris, 1857, p. 44).

²⁹ [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion..., p. 68.

³⁰ Ibid., p. 45.

ных догм естественной природе человека. Выступающий в памфлете учитель говорит, что религиозное воспитание убивает в детях все живое; оно сковывает их способности, память, воображение, делает их мрачными меланхоликами, дурно влияет на их здоровье. Как похожи эти рассуждения на стендалевское описание семинарии в Безансоне, где «здравое суждение само по себе оскорбительно»³¹, где Жюльену Сорелю приходится заботиться о выражении своих глаз, дабы в них не прочли живую мысль!

Из религиозных коллежей, пишет Шатлен, выходят маленькие старики, не знающие прелести молодости. Наоборот, в людях, сильных духом, пребывание в подобном пансионе рождает ненависть к религии. «Их глазам открывается секрет всех религиозных кривляний... они узнают истинную цену этому шарлатанству, они ставят знак равенства между набожностью и лицемерием и одинаково отвергают как религию, так и ненавистное им ханжество. Они выходят из коллежей исполненными ненависти, протестующими против всего, что имеет отношение к религии»³². (Вспомним опять-таки безансонскую семинарию: как закаляется там Жюльен Сорель в своем безбожии, как начинает он ненавидеть церковников!)

Не только в отношении к церкви, но и в понимании задач воспитания Шатлен выступает наследником просветителей XVIII века. В духе Руссо он утверждает, что задача воспитания в первую очередь состоит в формировании граждан, полезных людей. «Расчеты с богом, — утверждает Шатлен, — не освобождают от обязанности платить обществу и отечеству»³³. Он пишет, что «религия должна появляться перед детьми лишь в окружении всего того величественного и возвышенного, что могут придать ей идеи морали, добродетели, родины»³⁴. И в другом месте: «Нет хорошего христианина там, где нет хорошего гражданина»³⁵. Таким образом, на первый план Шатлен выдвигает гражданские добродетели.

В «единодушном пожелании» избирателей, выступающих в памфлете, складывается облик депутата, отвечающего этим шатленовским представлениям о гражданской добродетели.

Три года существования парламентской системы, созданной на основе хартии 1814 года, выявили многие уязвимые стороны буржуазного парламентаризма. Депутатское место стало для некоторых «представителей нации» выгодной синекурой. Появился целый «разряд людей, которые в палатах продают правительству интересы своей страны, пресыщены милостями и жиреют за столом наших министров», — писал Беранже³⁶, запечатлевший образы подобных депутатов в сатирических песнях «Отчет Пузана» и «Пузан на выборах».

И в «Крестьянине и дворянине» и в «Собрании избирателей» Шатлен приводит примеры коррупции, факты использования депутатских мандатов для личной выгоды. Не случайно поэтому, рисуя образ идеального общественного деятеля, Шатлен подчеркивает в нем в первую очередь бескорыстие. Именно с притчи о самоотверженном, преданном родине солдате начинается «Собрание избирателей». «Бескорыстный гражданин помышляет лишь о процветании государства и уважении граждан, он всегда готов принести в жертву собственные интересы и собственное состояние»³⁷, — пишет Шатлен, намекая на многочисленных «пузанов», заседавших во французской палате депутатов тех лет.

³¹ Стендаль. Избранные произведения. М., 1952, стр. 112.

³² [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion..., p. 36.

³³ Ibid., p. 44.

³⁴ Ibid., p. 41.

³⁵ Ibid., p. 44.

³⁶ П. Ж. Беранже. Соч. М., 1957, стр. 608.

³⁷ [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion..., p. 17.

Полюза, приносимая родине, для Шатлена главный критерий человеческой ценности. Развивая антидворянские тенденции памфлета «Крестьянин и дворянин», Шатлен призывает «не выбирать больше этих наглых патрициев», которые «взяли на себя лишь один труд — родиться»³⁸. В главе «Дворянин» он рассказывает в качестве назидательного примера историю дворянина, отказавшегося от своих титулов и заслужившего уважение окружающих своим независимым поведением. Происхождение само по себе, доказывает Шатлен, еще ничто; титул не спасает от глупости³⁹.

Свой идеал гражданственности Шатлен склонен искать в простых людях, особенно среди состоятельных крестьян. «Самый счастливый удел в жизни — это удел крестьянина, который, владея честным богатством, получив достаточное воспитание, чтобы оценить преимущества своего положения и наслаждаться всеми радостями, кои оно может ему дать, окруженный любящей его семьей и равными себе — все они его друзья, — отдается то наиболее полезным работам, то наиболее приятному досугу и нежным привязанностям»⁴⁰.

Принципиального различия между буржуа, крестьянами и ремесленниками для Шатлена в этот период не существует. Он выступает от имени нации, а нация для него — это «класс торговцев, собственников, земледельцев»⁴¹. Исторически такая точка зрения была оправдана в тот период, когда главным врагом для широких слоев населения по-прежнему оставалась дворянская аристократия, когда, как писал Маркс, «классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план»⁴². Залог прогресса нации Шатлен видел в развитии индустрии, в использовании природных ресурсов страны, в активном труде всего населения. Но возможно все это, доказывал он, лишь тогда, когда в стране обеспечена свобода⁴³.

Политические идеалы Шатлена не выходят за рамки конституционной монархии, Шатлен требует лишь неукоснительного соблюдения хартии 1814 года. Виной всех нынешних пороков, по мнению Шатлена, является не существующая система, а злоупотребления внутри этой системы. Герои Шатлена уверены в справедливости высших властей и считают, что все их несчастья, все гонения, жертвами которых они стали, только результат произвола местных чиновников. «Король — враг всякого преследования», для него все равны⁴⁴, — утверждает в памфлете «Крестьянин и дворянин» Лерон и отправляется в поисках правды в Париж. В конце памфлета выясняется, что король действительно «защитил своих подданных от притязаний Роберов, Фьеранвилей и им подобных»⁴⁵.

Хотя «произведения Шатлена не носят прямо антидинастического характера, резкий тон социальной вражды, которым они проникнуты, заставляет относить их к наиболее крайнему оттенку либеральной оппозиции»⁴⁶. Именно так были восприняты памфлеты Шатлена и современника-

³⁸ [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion..., p. 19, 21.

³⁹ Ibid., p. 90.

⁴⁰ [R.-Th. Châtelain.] Le paysan et le gentilhomme, p. 150. Ср. у Курье: «У нас перед глазами есть люди, которые всю свою жизнь посвящают похвальным делам, их существование основано на труде — источнике добрых нравов, они полагаются на договоры, доверяют обществу. Я с раннего утра вижу землепашцев в поле, матерей, занятых заботами о семье, детей, которые обучаются ремеслу своих отцов...» (П. Л. Курье. Памфлеты. М., 1957, стр. 57).

⁴¹ [R.-Th. Châtelain.] Une Réunion..., p. 19.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 17.

⁴³ См. интересное предисловие Шатлена к книге А. Рабве. Résumé de l'histoire de Portugal. Paris, 1824. Показывая пагубную роль духовенства в истории Португалии, Шатлен отстаивает и для этой страны необходимость буржуазного прогресса.

⁴⁴ [R.-Th. Châtelain.] Le paysan et le gentilhomme, p. 84.

⁴⁵ Ibid., p. 151.

⁴⁶ В. И. Бутенко. Либеральная партия во Франции..., стр. 487.

ми. В письмах графини де Ремюза к сыну есть очень любопытные сведения по этому поводу. В письме из Парижа от 18 апреля 1817 года она пишет: «Появилась одна поистине вредная брошюра, которая наделала много шума и дала основания к нападкам на Деказа...⁴⁷ Она называется «Крестьянин и дворянин». Она исключительно демократична и даже более того. В ней отдается предпочтение хижине перед дворцом и там можно обнаружить фразы из сочинений 1792 года. Этот памфлет одни приписывают Гизо, а другие, с большим основанием, тому самому Манюэлю, избрания которого так боятся...»⁴⁸.

Брошюра «Собрание избирателей», как и «Крестьянин и дворянин», была конфискована полицией «как бунтарская и противоречащая нравственности»⁴⁹. В произведениях Шатлена не было ни призывов к свержению существующего строя, ни выпадов против короля и двора. Они являлись «бунтарскими» по духу, по той непримиримости, с которой памфлетист относился к реставрации старых порядков.

* * *

К середине 20-х годов с воцарением «короля эмигрантов и иезуитов» Карла X, идеологическая борьба во Франции еще более обостряется. Острые дебаты в парламенте и в печати были ее отражением. Закон о возмещении убытков эмигрантам за конфискованные у них в свое время поместья, закон о «святотатстве», репрессии против либеральной печати, открытое покровительство церкви, монашеским орденам, разгул полицейского террора — все это способствовало росту недовольства режимом Реставрации.

В этом плане весьма показательны написанные Шатленом в 1825 году «Lettres de Sidi Mahmoud» («Письма Сиди Махмуда») ⁵⁰.

И в идейном, и в художественном отношении это наиболее зрелое его произведение. Шатлену удалось здесь во многом преодолеть известную ограниченность своих взглядов первых лет Реставрации. Его критика режима Реставрации делается глубже и последовательнее, а объектом критики становятся не только дворянство и духовенство, но и новая, буржуазная Франция.

Хронологически произведение приурочено к коронации Карла X и к пребыванию во Франции представителя тунисского бея Сиди Махмуда. Сиди Махмуд, мусульманин, приглашенный, чтобы придать больше блеска христианским празднествам, пользовался во Франции необычайной популярностью. «На пути его везде собирались толпы народа», — пишут современники ⁵¹. Видимо, интерес, который вызывала экзотическая фигура тунисского посла, и сделал его в 1825 году модным литературным персонажем. Так, в форме посланий к Сиди Махмуду и его ответа поэты Бартеlemi и Мери создают цикл «Сидьени» — «Посланий-сатир на XIX век» ⁵². К Сиди Махмуду обращается и Шатлен, делая его героем своего произведения и автором писем, адресованных в Тунис. В «Письмах» со ссылками на источник — газетную информацию — описываются некоторые события 1825 года, и в то же время поднимается ряд важных проблем общественно-политического характера.

⁴⁷ Тогданнего министра полиция.

⁴⁸ То, что памфлет приписывали Манюэлю, весьма показательно: Манюэль был в те годы представителем наиболее левого крыла оппозиции. «Correspondance de m-me de Rémusat», t. III, Paris, 1884.

⁴⁹ Duvergier de Hauranne. Op. cit., p. 202.

⁵⁰ «Lettres de Sidi Mahmoud». Paris, 1825 (изд. анонимно).

⁵¹ Barthélemy et Méry. Epître à Sidi Mahmoud. Paris, 1825, p. 5.

⁵² «Sidiennes» включают: а) Epître à Sidi Mahmoud, б) Adieux à Sidi Mahmoud в) Réponse de Sidi Mahmoud, г) Epilogue.

В этом произведении Шатлен следует весьма распространенной со времени Монтескье традиции просветительской литературы: здесь дана довольно широкая политическая и социальная картина Франции, увиденной глазами «восточного человека». «Письма Сиди Махмуда» — одно из многочисленных в литературе XVIII и начала XIX века подражаний «Персидским письмам». В эпоху, когда все связанное с Просвещением считалось в правительственных кругах крамольным, сам выбор формы свидетельствовал об оппозиционности Шатлена, выступившего в литературе продолжателем линии просветителей.

Используя действительный факт — пребывание во Франции тунисского посла, Шатлен не стремится запечатлеть образ подлинного Сиди Махмуда. Знакомое историческое лицо превращается в этом произведении в условный литературный персонаж.

Мнимого автора «Писем» Сиди Махмуда Шатлен наделяет определенным здравым смыслом, логикой и трезвостью суждений, свежестью восприятий и некоторой наивностью, свойственной человеку, воспитанному вне европейской цивилизации. Шатленовский образ не укладывается, однако, в традиционную схему «естественного человека». Сиди Махмуд — это «естественный человек», наивная просветительская вера в которого уже подорвана. Он несет на себе отпечаток кризиса, который идеи Просвещения переживали в эту эпоху⁵³. Традиционный образ переосмыслен в свете исторического опыта XVIII и начала XIX века. Сиди Махмуд лишен широты воззрений Перса Узбека и чистосердечной благожелательности вольтеровского Гурона: он поборник разбоя, рабства и деспотии. Прямолинейная «восточная» жестокость сочетается в нем к тому же с некоторой долей европейского скептицизма.

Подобное переосмысление традиционного образа определило и новые его функции в произведении. Шатлен относится к своему герою с явной иронией и подчеркивает сходство взглядов этого жестокого и фанатичного представителя восточной деспотии со взглядами правящей верхушки цивилизованной Франции. Этими параллелями и достигается по большей части сатирический эффект «Писем».

Официальная Франция, увиденная тунисским послом на приемах и встречах в его честь, открывается ему как страна мелочных, суетных, посредственных людей. Он поражен непомерным тщеславием французов, его удручает скука и однообразие их жизни. «Когда видишь одного из этих христиан, то вправе думать, что довидал их всех, — жалуется Сиди. — Их язык, манеры, жесты — все кажется скопированным, как и одежда, с единого образца. У всех тот же жаргон, тот же напыщенный вид, то же тщеславие. Когда они собираются в каком-нибудь салоне, среди них не увидишь никого, кто говорил бы или вел бы себя иначе, чем другие. Они как две капли воды похожи на своих солдат, которые, являя собой удивительный ансамбль, выполняют по команде все вместе одновременно одно и то же упражнение» (VIII)⁵⁴. И в другом месте: «Эти христиане кажутся мне такими ничтожными, что, я полагаю, у них не осталось больше даже поводов для честолюбия, есть основания лишь для мелкого тщеславия и чванства» (IX).

В сетованиях Сиди — отголоски настроений и самого Шатлена и единомышленников писателя, с болью следивших, как исчезает героизм предыдущей эпохи, ее размах, масштабность, как нивелирует жизнь скучный

⁵³ О трансформации образа «благородного дикаря» в литературе начала XIX века см. Г. С. А в е с с а л о м о в а. Новелла Проспера Мериме «Гаманго». — «Литература и эстетика» (сб. статей). Л., 1960, стр. 155—157.

⁵⁴ Здесь и далее римские цифры обозначают номера «Писем». Цитаты даются в нашем переводе.

буржуазный стандарт. Не этим ли горьким ощущением проникнуты страницы произведений романтиков и Мериме, романов Стендаля и многих песен Беранже, назвавшего своих современников «бесконечно малыми». Буржуазное общество, от которого многие ждали простора для развития человеческих возможностей, разочаровало их, так как способствовало измельчанию, вырождению личности под влиянием эгоистического денежного интереса. Газетное сообщение о том, что Сиди ходил смотреть львов в зоологический сад, звучит в «Письмах» выражением глубокой тоски по ярким, сильным характерам, подлинной красоте, благородству, величю, «которым нет места в салонах этих автоматов-христиан!» (VIII).

Удивление Сиди при знакомстве с нравами официальной Франции постепенно сменяется чувством глубокого презрения ко всему увиденному, и только желание поддержать престиж бея заставляет его «побороть свое отвращение» и присутствовать на коронации.

Живая реакция Сиди на окружающее придает «Письмам» определенную эмоциональную окрашенность, а постепенное «узнавание» «цивилизованной» Франции «восточным» человеком определяет в целом композицию произведения. В первых письмах даются описания нравов, отдельные разрозненные наблюдения, IX письмо — рассказ о коронации, где, как в фокусе, отразились наиболее характерные стороны жизни французской правящей верхушки, в последних — X и XI письмах подводятся итоги и выносятся окончательные суждения.

Посланца восточной деспотии, естественно, особенно интересуют «секреты европейской правления», которыми он делится со своим другом Хасаном. Так, в «Письмах» постепенно раскрываются закулисные стороны французской политики, лицемерие «представительного» образа правления.

Страной, видит Сиди, распоряжается по своему произволу кучка министров, грубо попирающих законы, совершенно безответственных перед кем бы то ни было. «Уверяю тебя, — пишет Сиди Хасану, — что министры обращают на законы и требования тех, кто настаивает на их исполнении не больше внимания, чем у нас на жалобы раба-христианина, которого подвергает наказанию хозяин» (X). Низшие чины в полной зависимости от высших: это пешки, которым диктуют, что делать, думать, говорить. «В этом мнимом свободном государстве должностей достигают, лишь опустившись до роли автоматов» (X). Власть министров держится на страхе и подкупах. От этой зависимости не свободны и депутаты, которых министры соблазняют богатством, властью, почетом. Поэтому «представительный» образ правления оборачивается своей противоположностью: депутаты представляют не интересы избирателей, а интересы властей, перед которыми они пресмыкаются. Постигнув эти истины, Сиди весьма скептически воспринимает заседание палаты, на котором ему довелось присутствовать. Депутаты, встретившие его с таким энтузиазмом, не внушают ему особого доверия.

Отношение Шатлена к правящей верхушке Франции выражено красноречивым сравнением ее с шайкой корсаров, нападающих на торговый корабль. «Мы не больше любим бороздить моря, — замечает Сиди, — чем они предаваться интригам и спекуляциям». (X).

Шатлен не питает теперь иллюзий и по поводу королевской власти. Характерно, что в письмах, раскрывающих политическое устройство Франции, Шатлен вообще обходит молчанием короля. Объясняется это, видимо, не столько цензурными соображениями, сколько презрением, которое питала к реакционеру Карлу X вся передовая Франция. Король — это воплощение справедливости и разума в ранних памфлетах Шатлена — в «Письмах» фигурирует лишь при описании коронации. Но и там он только послушный актер, который играет свою роль по подсказке духовенства.

Анализ политического устройства Франции, данный здесь Шатленом, несет на себе отпечаток глубокого разочарования в хартии. Это разочарование — результат тех уроков, которые извлекла французская демократия из десятилетнего опыта монархии Бурбонов. Начавшийся уже в 1817 году пересмотр политических идеалов продолжается еще более интенсивно в 20-е годы⁵⁵. От признания «абсолютности» хартии отказывается Огюстен Тьерри. Хартия больше не является совершенным образцом государственной организации для Гизо, который переносит теперь внимание с форм политического строя на его содержание. Аналогичные рассуждения мы встречаем и в «Письмах Сиди Махмуда». Сравнивая Францию и Тунис, герой Шатлена недоумевает по поводу якобы существующей разницы между конституционной монархией и восточной деспотией: «Скажи, дорогой Хасан, разве дела не шли бы точно таким же образом в стране, где вообще не было бы законов!?... Ведь это правление отличается от нашего больше по форме, чем по существу. И там, и здесь все покоится на абсолютном подчинении» (X).

Если раньше, в первые годы Реставрации, Шатлен декларировал свою глубокую преданность принципам хартии и склонен был объяснять все беды нарушением законов чиновниками на местах, то теперь он ставит под сомнение сами законы, «в которых нет ни силы, ни благородства», законы, которые «с такой готовностью отступают перед теми, кто их нарушает» (X). Золото, жажда обогащения — вот внутренний импульс, который, по мнению Шатлена, приводит в движение политическую машину и определяет общественную атмосферу в стране. «Золото — единственный бог, которому они поклоняются, — пишет о французах Сиди Махмуд, — даже религия для большинства из них лишь средство составить состояние. Честь, совесть, достоинство — все продается...» (VII).

Чудовищную несправедливость писатель обнаруживает теперь в самой социальной системе, при которой «тот, кто платит за все, не имеет доли ни в чем» (IV). Когда Сиди слышит, как «беспрестанно твердят, что здешние законы равны для слабых и сильных, для богатых и бедных», он видит в этом лишь проявление обычного для французов лицемерия (X). Даже полное соблюдение существующих законов, — заявляет устами своего героя Шатлен, — означало бы на деле лишь соблюдение интересов меньшинства. «Эти христиане думают, — пишет Сиди Махмуд, — что их религия проникнута духом защиты бедного от богатого, слабого от сильного. Они полагают, что их законы созданы в интересах большинства. Что ты скажешь на это, мудрый Хасан?» (IV). «Каждый режет вкривь и вкось в своем министерстве, разрушает то, что было хорошего, возрождает то, что было плохого, а добрый народ, который оплачивает все эти эксперименты и видит всю их опасность, не имея возможности что-либо исправить, говорит еще с гордостью о превосходстве своего правления, своей свободы, своих законов...» (X). Сиди не принимает этой «свободы», при которой французы не могут свободно сделать и шагу: «полиция преследует их даже у домашнего очага», на продажу вина нужно разрешение и на переезд из одного города в другой тоже... «Им приходится платить правительству за право есть и пить; они должны платить ему даже за воздух, которым дышат, за похороны... даже помощь своей религии им приходится оплачивать: только ценою золота могут они добиться молитв и вмешательства ее служителей» (X).

В этих политических рассуждениях Шатлен выходит за узкие рамки буржуазного индивидуализма либералов. Свобода в его представлении — это не только констановские гарантии «прав личности». Свобода печати,

⁵⁵ См. об этом: Б. Г. Р е и з о в. Французская романтическая историография. Л., 1956.

совести, культов — все это для Шатлена лишь производные той системы, которая исключала бы всякое неравенство, означающее зависимость. Не судьба отдельного человека, а судьба народа заботит писателя: его бесправие и обездоленность — вот, в чем видит Шатлен самое уязвимое место французских «свобод».

«Тот, кто платит за все, не имеет доли ни в чем», — эту мысль Шатлен образно раскрывает на примере коронации: участие, которое принял в ней народ, соответствует тому положению, которое он занимает в стране. Описание коронации Карла X превращается в символическое обобщение политической и общественной жизни Франции 20-х годов. Задуманная в целях оживления верноподданнических чувств, коронация Карла X представлена Шатленом прежде всего как наиболее яркое проявление французского тщеславия и суетности. «Коронация — это состязание в такой пышности, которую французам редко доводится повидать. Какими гордыми выглядели эти христиане! Как они надувались в своих расшитых золотом одеждах! Как оглядывались по сторонам, ища свидетелей восхищения, которое они вызывали! Я уверен, что они чувствовали себя выше на несколько голов... как великолены были епископы! Сколько золота, жемчуга, драгоценных камней на их облачении!» (IX). Торжественность момента в рассказе Сиди окончательно снимается тем, что все это великолепие оценивается в его реальной стоимости, с точки зрения пирата, которому могла бы попасть в руки такая добыча.

В противовес роялистским газетам, описывавшим коронацию как «настоящее опьянение энтузиазмом и любовью»⁵⁶, Шатлен рисует ее нелепым театральным фарсом. В то время как придворные поэты и живописцы прославляли «единение» короля и народа⁵⁷, Шатлен подчеркивает глубокую пропасть между официальной Францией и Францией народной.

Либеральный историк Реставрации, современник Шатлена Волабель писал: «Церемония коронации, будучи далекой от того, чтобы примирить средние классы с братом Людовика XVIII, наоборот, обернулась против него. Лицезрение главы воинственной нации, коленопреклоненного, расprostертого ниц в течение долгих часов перед столь непопулярным тогда клиром и получающего корону из рук священника, театральная роль этого старого короля... все это вызвало одновременно гнев и насмешки». Волабель говорит о новых поколениях, которые противопоставили официальной версии «Песню о коронации», где поэт, выражая народные чувства, высказал общее недовольство и протест⁵⁸. Это общее недовольство и протест — голос «новых поколений», прозвучавший в песне Беранже, слышен и в «Письмах» Шатлена.

Непомерная роскошь коронации поражает даже привыкшего к восточной пышности тунисца. «Кто же это, — интересуется любознательный Сиди, — султан, набитый сокровищами, или разбойник, всегда удачливый в своих набегах, кто он, что может так дорого платить за несколько часов веселья?». «Здесь нет ни султана, ни разбойника, — объясняют Сиди. Этот праздник устраивают жители Парижа». «Огромные расходы праздника окупаются средствами, полученными от продажи продуктов питания, которые поэтому вдвое повысились в цене. Это повышение мало ощутимо для богатых, но зато оно всей тяжестью падает на бедный класс, для которого становится источником нищеты и лишений... Народ не будет присутствовать на празднике, но он сможет издали посмотреть на иллюминацию, если конечно не станет слишком приближаться к жандармам. Этого достаточно для него», — цинично объясняет префект (IV).

⁵⁶ A. V a u l a b e l l e. Op. cit., t. VII, p. 147.

⁵⁷ Так, например, на картине Жерара изображен Карл X, восседающий на троне в окружении толпы и принимающий после коронации поздравления приближенных.

⁵⁸ A. V a u l a b e l l e. Op. cit., t. VII, p. 154—155.

Противопоставляющая себя народу правящая верхушка нуждается в особой поддержке. На «варварском» Востоке такой поддержкой служит палочный удар, а в «цивилизованной» Франции — сила не менее страшная — полиция. Иронические параллели с обычаями страны Сиди Махмуда и здесь лишний раз подчеркивают относительность европейского прогресса, французских «свобод».

Знакомство с полицией приводит тунисского посла к выводу, что полиция — «полезная помощница религии и необходимая поддержка политики» (VI). «Мне кажется, — пишет он, — что ничто не делается здесь без полиции; она вмешивается в праздники и в похороны, в торговлю и в религию, в дела армии и дипломатии» (V). Полиция стоит на страже того порядка, который благославляют религия, закон, власти и который противоречит разуму, гуманности, справедливости. «Ах, дорогой Хасан, — заключает Сиди, — да сохранил нас небо от того, чтобы жить в стране, свободной на манер этой!» (X).

Развенчивая политическое и общественное устройство французского государства, Шатлен всячески подчеркивает его хищнический, стяжательский характер. В этом плане весьма примечательны ассоциации, то и дело возникающие у шатленовского героя: мрачные фигуры полицейских агентов напоминают «стервятников, готовых броситься на добычу», епископы в роскошных одеждах — «богатых разбойников», министры — «морских пиратов».

Сам сторонник пиратства и разбоя, Сиди Махмуд с удовольствием слушает на заседании палаты речь в защиту работорговли. Представив оратора единомышленником восточного деспота, поборника легкой наживы, Шатлен недвусмысленно выразил свое отношение к проблеме рабства. Затронув эту тему, писатель присоединил свой голос к той широкой аболиционистской кампании, которая велась в 20-х годах и нашла отзвук в художественной литературе⁵⁹.

Общая картина Франции 20-х годов XIX века, данная в «Письмах», представляется весьма цельной благодаря тому, что важнейшие вопросы общественно-политической жизни трактуются Шатленом в их взаимообусловленности и связи друг с другом. Так, поощрение рабства выглядит весьма закономерно на фоне общих тенденций эксплуататорской социальной системы, а внешняя политика государства оказывается логическим следствием ее внутренней политики. Страх перед народом, боязнь революционных идей заставляют правящие круги поддерживать самые реакционные режимы и стремиться к подавлению свобод не только внутри страны, но и за ее пределами.

На первый план выдвигается в «Письмах» тема национально-освободительной борьбы в Греции и международной солидарности в борьбе за свободу.

Как известно, идея необходимости совместных усилий в этой борьбе широко проникла в общественное сознание эпохи. Революционные движения в Испании и в Италии во многом способствовали пробуждению революционной активности во Франции. «Честь и слава вам, французы! Вы заложили фундамент союза народов, пророчески воспетого вашим бессмертным Беранже», — писали в феврале 1848 года К. Маркс и Ф. Энгельс в приветственном обращении к Временному правительству Второй французской республики⁶⁰.

⁵⁹ Иронией заклеймил Мериме белых колонизаторов в новелле «Таманго» (1829). Неграм-рабам посвятил одну из самых грустных своих песен Беранже (Сборник 1828). Вьенне в предисловии к поэме «Седим или негры» (1826), рассказывавшей о негритянском восстании, прямо писал о том, что своим произведением стремится «способствовать уничтожению работорговли».

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 537.

Противопоставление «Священного союза народов» «Священному союзу варваров» определяет звучание не только многих песен Беранже («Смерть короля Кристофа», «Новый приказ» и др.), но и целого ряда произведений его современников. П. Л. Курье в свою «Записную книжку» включил «Возвание» к солдатам французской армии, которых направляли на подавление испанской революции. Обращаясь к ним, он писал: «Когда вы восстановите старый режим в их стране, вас вернут сюда, чтобы вы и здесь сделали то же самое»⁶¹. В брошюре Шеффера «Essais sur quatre grandes questions politiques» («О четырех великих политических проблемах») отдельная глава посвящена «средствам создания коалиции народов» в борьбе за независимость⁶².

Особенно широко были распространены тогда в литературе филэллинские настроения. В 20-х годах появилось огромное количество произведений, отражавших растущий во Франции интерес и симпатии к борющимся за свою независимость грекам. Среди них дневники, путевые впечатления, романы, памфлеты — произведения самых различных жанров⁶³. Беранже откликается на события в Греции песнями «Голубь-вестник» и «Тень Анакреона», Делавинь пишет свой «Мессеньен», Гюго — «Ориенталии». Десятки стихотворений и поэм, написанных на смерть Байрона, воспевали в гениальном поэте героя, погибшего за свободу Эллады⁶⁴.

Сочувствие всей передовой части французского общества Греции, восставшей против гнета султанской Турции, и стремление помочь грекам разделял и Шатлен. При этом борьба греков воспринималась Шатленом не в ее религиозном, а национально-освободительном аспекте. Последовательно и настойчиво развенчивает он в «Письмах Сиди Махмуда» мнимо религиозный характер движения в поддержку греков, показывая, что «безбожники, люди, у которых нет религии, обручаются с делом восточных христиан, в то время как люди набожные и одержимые верой демонстрируют свою приверженность туркам» (VII). Напрасно тунисского посла беспокоит встреча с известными своей религиозностью марсельцами: наиболее рьяные католики оказывают мусульманину Махмуду наибольшие почести.

Вслед за Вольтером, высмеявшим в «Кандиде» политическое ханжество церковников, Шатлен утверждает, что вера отступает на второй план там, где речь идет о выгоде для церкви, о необходимости противостоять прогрессу. Сиди чувствует, что люди в черных сутанах, интересующиеся тем, есть ли в Тунисе философы и экономисты, явно симпатизируют ему.

Если в прежних памфлетах Шатлена критика церкви шла по линии главным образом морально-этической, то теперь он подчеркивает враждебность церкви народу в более широком плане — экономическом, политическом, социальном. Вся деятельность церкви основывается на своекорыстных интересах. «Нынешнее религиозное рвение не похоже на то, которое водило в крестовые походы, заставляло презирать смерть, опасность, усталость, нищету... Нынче оно породнилось с любовью к золоту, с жаждой власти, с безграничной тягой к разным наслаждениям, удовольствиям, суетной жизни... Весь воинствующий дух [церковников. — Н. Р.]

⁶¹ П. Л. Курье. Указ. соч., стр. 240.

⁶² С.-А. Шеффер. Essais sur quatre grandes questions politiques. Paris, 1817.

⁶³ Только в списках С.-Петербургского пензенского комитета за 20-е годы, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, числятся десятки названий французских книг (ряд которых был запрещен), так или иначе связанных с Грецией.

⁶⁴ См. Ed. L o u v e t. Byron et la liberté. Paris, 1824; C. D e l a v i g n e. Messéniennes sur lord Byron, 1824; M. R o c h. Poème Dythyrambique sur la mort de lord Byron, 1824; F.-E.-P. B a r i s e a u. Stances sur la mort de lord Byron и др.

направлен теперь против тех их сограждан, которые не следуют внешней политике церкви и не разделяют ее доктрин» (XI) ⁶⁵.

Церковь и правительство действуют в греческом вопросе заодно. Само присутствие Сиди на коронации доказывает, что мусульманские правители ближе европейским государям, чем их единоверцы — греки. Освободительный характер движения — вот что определяет позицию, занимаемую в греческом вопросе французским правительством. Именно в силу освободительного характера борьбы в Греции правящие круги Франции препятствуют оказанию помощи грекам, и именно поэтому грекам стремится помочь французский народ.

«Большая часть этой нации, быть может, и расположена помочь восточным христианам, но это стремление ни в коей мере не разделяют правящие классы... Народ, восстающий против тех, кто им управляет, в их глазах подает опасный пример, даже если этот народ — христиане, а те, кто им управляют, — турки» (XI).

Филэллинское движение объединяло, как известно, представителей различных политических возрений. Достаточно отметить, что в созданном в Париже Обществе в поддержку греков активно участвовали Шатобриан и Лаффит, Бенжамен Констан и герцог Ларошфуко. Сам Шатлен примкнул к левому крылу движения филэллинов. Борьба за свободу Греции для Шатлена — лишь один из участков борьбы с тиранией и реакцией; она неотделима от борьбы за свободу во Франции и в других странах.

Второе письмо Сиди Махмуда почти целиком посвящено саркастической характеристике австрийского канцлера, князя Меттерниха, «ловкого дирижера Священного Союза», «набожного министра», «который вот уже четыре года предотвращает грозу, готовую разразиться над Турцией». Это благодаря ему русский царь подавил порыв своих народов и сдержал на берегах Прута руку своих нетерпеливых воинов; это благодаря ему греки напрасно умоляли Европу о помощи, в то время как турки пользовались ее открытым содействием; это благодаря ему у нас никогда не было недостатка в христианских судах, чтобы перевозить наши войска и разбойничать; это благодаря ему греческий флот подвергся тысяче унижений со стороны австрийских фрегатов; это благодаря ему депутаты греческого народа, задержанные на несколько недель в одном из итальянских портов, не смогли добиться разрешения быть выслушанными на Веронском конгрессе, который он так славно возглавлял; это благодаря ему мятежный Ипсиланти обрел оковы, едва ступив на австрийскую землю... Скажи, разве этот министр не сделал для благополучия Полумесяца больше, чем все визири вместе взятые?!» (II).

В свойственном «Письмам» ироническом тоне Шатлен пишет о том, что «Аллах явно избрал его (Меттерниха. — *Н. Р.*), чтобы спасти мусульман. Хоть он и христианин, Магомет должен предоставить ему место в своем раю» (II). Сам Сиди преисполнен к Меттерниху величайшей симпатии и благодарности ⁶⁶.

На протяжении всего произведения Шатлен подчеркивает, что политика, наиболее ярким выразителем которой является Меттерних, крайне

⁶⁵ Ср. у Бартеlemi и Мери:

«La palme des martyrs pour eux n'a plus de charmes,
Dans nos temples sacrés ils entrent en gendarmes».

(«Epitre à Sidi Mahmoud», p. 14).

⁶⁶ Так же настроен по отношению к Меттерниху Сиди Махмуд и у Бартеlemi и Мери:

«Je crois, comme au Prophète, à la Sainte Alliance,
Dans le congrès prochain, quand je serais admis,
Metternich m'inscrirait au rang de ses amis»

(Barthélemy et Méry Oeuvres,
t. I. Bruxelles, 1835, p. 222)

непопулярна во французском народе. Тунисский посол, окруженный официальными почестями (в его честь устраивают банкеты, произносят речи, чеканят медали), чувствует себя очень неуверенно среди простых людей. Сиди ловит их недружелюбные взгляды, слышит оскорбления по своему адресу. «Я начинаю замечать, — жалуется он в письме на родину, — что масса этого народа испорчена и развращена. Я встречаю добрые чувства лишь среди людей высокого полета, с которыми обыкновенно вижу. Меня чествуют в салонах, но плохо принимают на улицах... Эти люди выражают негодование по поводу исключительного приема, оказываемого тому, кого они зовут палачом греков... Этот народ связан общим делом с восточными христианами, он смотрит на них, как на братьев, он желает их триумфа» (VII).

Характерно, что особенно недружелюбно к Сиди отнеслись в Лионе, городе ткачей. Лионские ткачи были передовым отрядом французских рабочих. Естественно, что именно здесь особенно сильны были симпатии к свободолобивым грекам и особенно ненавистна официальная политика⁶⁷. «Эти люди, кажется, наделены духом независимости, который располагает их в пользу наших врагов. Я думаю, — пишет Сиди, — что это вредный и опасный в государстве класс; меня уверяют, что выдающиеся люди разделяют мое мнение на этот счет, — я им очень признателен» (II).

Шатлен уверен в свободолобивых устремлениях французского народа, которые правительство из страха за собственное благополучие всячески сдерживает и подавляет. «...Разве мы не знаем, что эти помощники (греков. — *H. P.*) были бы еще более многочисленны, если бы им не чинили препятствий своей мудрой политикой некоторые христианские владыки, которым Аллах внушил благородные и великодушные мысли в поддержку Полумесяца?» (I).

Через все произведение, таким образом, красной нитью проходит мысль о том, что политика светских и религиозных властей противоречит интересам народа.

* * *

Подвергая такой всесторонней и глубокой критике существующую социальную и политическую систему, Шатлен фактически приходит к полному ее отрицанию. Если раньше речь шла о каких-то уточнениях хартии, о ликвидации местных злоупотреблений, то теперь писатель видит необходимость более радикального изменения всей жизни в стране.

Вот почему автора «Писем Сиди Махмуда» уже не удовлетворяет программа либералов. Он понимает недостаточность тех легальных методов борьбы, которые избрала либеральная партия, и высмеивает демагогические выступления ее лидеров. «У этих христиан ум настолько поверхностен, что слов и некоторых внешних проявлений им достаточно, чтобы поверить, будто они владеют в действительности тем, от чего видят лишь тень. Разум их недостаточно глубок, чтобы проникнуть в суть вещей, но среди христиан есть многие, которые считают себя всерьез независимыми от тех, кто ведет их на помочах, кто берет их деньги и смеется над ними» (X).

В борьбе с полицейским режимом Реставрации Шатлен считает парламентскую трибуну малоэффективным средством. «У них есть несколько депутатов, которые время от времени произносят прекрасные речи, чтобы поговорить на поведение министров и упрекнуть их в несоблюдении законов, у них есть писатели, которые высказываются по этому поводу в

⁶⁷ «...Свобода находил в Лионе многочисленных прозелитов. Здесь более, чем где бы то ни было чувствительны к притеснениям, которым она подвергается, — писал один из современников Шатлена. (*D.-J.-C. V e r f è l e. Pèlerinages d'un Child-Harold parisien aux environs de la capitale, en Lorraine, en Alsace, à Lion et en Suisse, t. I; 1825, p. 151.*)

газетах и брошюрах». Но министры не обращают на это внимания. «Ораторы и писатели устают вещать, публика устает их слушать, а министр, который ничего не боится, достигает своей цели» (X).

Наследник Просвещения, Шатлен уже не может удовлетвориться прогрессивными идеями XVIII столетия. Умудренный опытом эпохи, он пересматривает основу просветительского учения — веру во всемогущую и абсолютную силу человеческого разума. К середине 20-х годов Шатлен уже мог убедиться в очевидной бесплодности попыток что-либо изменить одним воздействием разума. Ораторы, пишет Шатлен, утверждают, что просвещенное общественное мнение владычествует над миром. «Забавный, однако, владыка, если над ним безнаказанно смеются министры — проиизирует Сиди Махмуд. — Что до меня, то когда я слышу эти постоянные требования, увещевания, представления, справедливость которых редко оспаривается и которыми тем не менее власти пренебрегают, мне кажется, что это служит лишь дискредитации разума» (X).

Таким образом, «Письма Сиди Махмуда» не ограничиваются сатирой на господствующую реакцию: они вступают в полемику с либеральной оппозицией, взгляды которой оказываются слишком узкими для Шатлена. Расхождения с либералами объясняются возросшим демократизмом писателя; он сказывается в новых, по сравнению с ранними произведениями, представлениях Шатлена о народной Франции. «Бедный класс, или то, что мы зовем народом» (IV), — вот чья судьба привлекает теперь внимание писателя. Как эту судьбу можно изменить, Шатлен, видимо, ясно не представляет. Глухо звучит в «Письмах» упоминание о том, что дела во Франции «происходят не так, как в Тунисе, где или народ время от времени восстает и вершит суд над теми, кто злоупотребляет властью, или с ними расправляется сам владыка, подстрекаемый недовольными» (X). Однако неясность перспектив отнюдь не снижает остроты и настойчивости, с которой Шатлен развенчивает современную ему Францию — Францию переживших свой век феодалов и поднимающих голову буржуа.

* * *

В творчестве Шатлена, как в памфлетах Курье, как в песнях Беранже, мы видим проявление демократических воззрений того времени, смелую поддержку и дальнейшее развитие учения просветителей. В произведениях Шатлена ожили идеи Французской буржуазно-демократической революции 1789 года.

Начав с обличения дворянства и духовенства — опоры Реставрации, Шатлен пришел в своих «Письмах Сиди Махмуда» к пониманию уязвимых сторон буржуазного прогресса.

В художественном отношении произведения Шатлена интересны попытками создания современных ему типов, ситуациями, взятыми из современной ему жизни, стремлением сочетать злободневность и художественность.

Типичные ситуации из политической действительности эпохи Реставрации, нарисованные Шатленом, социальные типы, созданные им в его памфлетах, хотя и далеки от художественного совершенства, подготавливали почву для будущих завоеваний критического реализма во Франции.

Что касается наиболее крупного произведения Шатлена «Писем Сиди Махмуда», то благодаря своим идейно-художественным достоинствам оно сохраняет интерес и для современного нам читателя. «Письма Сиди Махмуда» в известной степени дополняют наши представления об идейном движении и оппозиционной литературе во Франции времен Реставрации. В этом памфлете Шатлена отразился круг проблем, волновавших тогда передовые слои французской общественности. Это произве-

дение явилось выражением революционного протеста, зревшего во Франции с середины 20-х годов.

Все это делает «Письма» интереснейшим историческим и литературным документом эпохи, свидетельствуя, что имя их автора, талантливое и смелое демократическое публициста, безусловно заслуживает быть воскрешенным из забвения.

Ссылки на материалы к теме

Ю.Данилин. Очерк французской политической поэзии XIX в.
http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

Ю.Данилин. Поэты Июльской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p119138462.htm>

Л.Эритье. История французской революции 1848 г.
и Второй республики. Выпуск 1. 1814-1848 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>